

- Волков А.М. (1999): К концепции особо охраняемых природных территорий России. - Запов. и нац. парки. 28: 36-48
- Волков О. (1963): Клад Кудеяра. М. 1-216.
- Даль В. (1981): Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык. 1: 92.
- И мир пройдет по нашим векам. Студенческому движению дружин по охране природы – 40 лет. М.: ЦОДП, 2001. 1-287.
- Кожевников Г.А. (1909): О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы. - Труды Всероссийского юбилейного акклиматизационного съезда 1908 г. в Москве. М. 1.
- Кутырев В.А. (1994): Естественное и искусственное: борьба миров. Нижний Новгород: Изд-во "Нижний Новгород". 1-200.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (1999): Обзор ответов на проекты концепции системы охраняемых природных территорий России. - Охраняемые природные территории: материалы к созданию концепции системы охраняемых природных территорий России. М.: WWF. 1-225
- Штильмарк Ф.Р. (1981): Принципы заповедности (теоретические, правовые и практические аспекты). - Географическое размещение заповедников РСФСР и организация их деятельности. М.: Главохота РСФСР. 60-76.
- Штильмарк Ф.Р. (1991): С другого берега (послесловие). - Д. Вайнер. Экология в советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс. 375-384
- Штильмарк Ф.Р. (2001): Абсолютная заповедность – последний оплот реальной охраны дикой природы. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвыпуск): 111-113.
- Яницкий О.Н. (2002): Россия: экологический вызов (общественные движения, нация, политика). Новосибирск: Сибирский хронограф. 1-426.

Есть ли альтернатива?

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник,

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua

Все течет, все меняется. Причем, иногда очень быстро. В справедливости этой древней истины мне пришлось убедиться при подготовке данной статьи. Первоначально она писалась для обсуждения одного из этических принципов заповедного дела, предложенных В.Е. Борейко (см. предыдущую статью). По моему мнению, позиция автора по отношению к науке была неприемлемой и вела в тупик. Я неоднократно высказывался по этому поводу (Грищенко, 2001а, 2001б, 2002а). Но в последний момент В.Е. Борейко существенно изменил текст своей статьи, убрав все нападки на науку. Я рад этой победе здравого смысла. Думаю, что от нее выиграет и охрана природы в целом, и мой уважаемый коллега, умудрившийся настроить против себя огромное количество людей, вовсе не чуждых природоохранным идеалам.

Однако тема для дискуссии все же остается, ведь антинаучные идеи и настроения сейчас очень распространены в обществе. Причем, не только в странах СНГ, но

и на вполне благополучном Западе. К тому же старый вариант "этических принципов" многократно тиражировался*. Поэтому я все же публикую свою статью, несколько изменив ее и сместив акценты. Думаю, что затронутые в ней вопросы представляют достаточно широкий интерес.

Прежде всего хочу оговориться: защищая науку, я не собираюсь ее идеализировать, представлять панацеей от всех бед, а ученых изображать ангелами в белых одеждах. Они всего лишь люди со всеми своими достоинствами и недостатками. Разумеется, они несут свою долю ответственности за то, что достижения науки далеко не всегда приносят благо и людям, и природе (однако лишь *долю*, о чем речь пойдет ниже). Но я не могу примириться с

* С полным текстом предполагавшейся к печати статьи читатели могут ознакомиться в газете "Заповедный вестник" (Борейко, 2002), примерно то же самое было опубликовано и в других изданиях (Борейко, 1999, 2001).

непрекращающимися попытками демонизировать науку, свалить на нее все беды, противопоставить экологической этике, отодвинуть на второй план в охране природы, подменив религией или оккультно-мистическими учениями. Об этом и пойдет речь.

* * *

В науке, как и других сферах заповедной жизни, в наше время хватает проблем, недостатков, а нередко и откровенного бардака (впрочем, а что сейчас в постсоветских государствах функционирует идеально?). Необходимо наведение элементарного порядка. Однако я не могу согласиться с тем, что научная работа в заповедниках провозглашается врагом охраны природы, что “дикая заповедная природа должна быть защищена от науки” (Борейко, 2002), какими бы авторитетными цитатами это не “подпиралось”. Да и вообще при умелом подборе цитат, ими можно фехтовать не хуже, чем шпагами. Так, словам Ф.М. Достоевского о том, что он был бы с Христом, а не с истиной (Борейко, 2002), можно противопоставить энциклику “Fides et ratio” Иоанна Павла II: *“Вера и разум – это как бы два крыла, на которых человеческий дух возносится к созерцанию истины, ибо Сам Бог вложил в умы людей стремление к познанию истины, а также к познанию Его Самого, чтобы люди, познавая и любя Его, смогли найти полноту истины о себе самих. <...> Истина, которую Бог явил нам в Иисусе Христе, не противоречит истинам, которые можно постичь в результате философских размышлений. Напротив, эти два способа познания ведут к полноте истины”* (цит. по: Гинзбург, 2000).

Можно встретить утверждение, что наука является далеко не совершенным инструментом познания мира. А какие лучше? И что вообще у нас совершенно? В качестве ответа само собой напрашивается известное изречение У. Черчилля, я его несколько перефразирую: “Наука, конечно, плохое средство охраны природы, но беда в том, что другие еще хуже”. Можно вспомнить и

слова А. Эйнштейна: *“Единственное, чему научила меня моя долгая жизнь, что наша наука перед лицом реальности выглядит примитивно и по-детски наивно, – и все же это самое ценное, что у нас есть”* (цит. по: Самарцев и др., 2002). Ученые лучше журналистов и философов знают о несовершенстве своего инструмента познания. Проблема в том, что другие еще хуже.

Я вообще бы не стал особо потрясать упомянутым высказыванием Ф.М. Достоевского, потому что это формула фанатизма. Вере точно так же нужны “тормоза” разума, как и разуму “тормоза” веры или морали. К чему приводит вера, не контролируемая разумом, – религиозный фанатизм – не нужно долго рассказывать. Сейчас достаточно просто напомнить одну дату – 11 сентября 2001 г.

В ноябре 2001 г. Киев потрясло сообщение о том, что во время религиозного поста родители уморили голодом двух своих маленьких детей. Еще хорошо памятли “подвиги” “Аум синрикё”, “Белого братства” и прочих подобных религиозных организаций. Можно вспомнить также коллективные самосожжения староверов, кровавые преступления “службы безопасности” мормонов, “обезьяньи процессы” в Америке и много чего другого. Были религиозные учения, своей конечной целью ставившие вообще уничтожение материального мира для торжества мира духовного. Если уж науку оценивать только по атомной бомбе и другим подобным “достижениям”, то и религию можно свести к изуверству и мракобесию. А так идет совершенно некорректное сравнение того, что должно быть, с одной стороны, и того, что есть в реальности, – с другой. Идеалы и у науки, и у религии близки – служение добру и противостояние злу. А вот с реализацией этого, увы, и там, и там возникают проблемы.

В.Е. Борейко в своих работах многократно приводил цитату из книги В.В. Мантатова и О.В. Доржигушаевой (1996): *“Наука антагонистична природе в той мере, в какой она стремится покорить мир, под-*

чинить его уму и воле человека. Для естествоиспытателя не существует ничего святого, ничего невозможного, поскольку его мир ограничен чувственным опытом и он не знает выхода к трансцендентальному миру. Чувство благоговения перед природой исчезает: она становится лишь объектом экспериментирования". Не могу согласиться практически ни с одним утверждением авторов.

Наука – всего лишь инструмент в руках человека. Я, честно говоря, не понимаю, как инструмент может к чему-то стремиться и что-то подчинять. Меч может преспокойно лежать в музее, оставаясь лишь предметом культурной и исторической ценности. Орудием убийства и средством покорения мира он становится только в руках человека. А деятельность человека и регулируется этическими нормами. Вот и вся премудрость. Наука – средство для достижения цели, а не самоцель. И не нужно делать из нее чудовище. Утверждение же упомянутых авторов, что *"для естествоиспытателя не существует ничего святого, ничего невозможного"*, оставим на их совести. Для меня, например, как для естествоиспытателя, является невозможным поймать синицу и просто так посмотреть, *"что у нее там в середине"*. Между наукой и любопытством есть большая разница, так же как между верой и суеверием. Я считаю святыней Истину и служу ей по мере своих сил и возможностей. Для меня, как для ученого, является невозможным сваливать в одну кучу всех и вся в погоне за эффектным аргументом. Ведь можно вспомнить хотя бы о том, что еще совсем недавно наши философы дружной ратью навязывали всем диалектический и исторический материализм, превозносили научное мировоззрение и упрежнялись в воинствующем атеизме. А всего лишь через несколько лет после падения коммунистического режима многие из них стали святее Папы Римского. Но я все-таки оговорюсь: не все философы были *"флюгерерами"*. Можно много чего сказать и о буддизме в связи с охраной природы, не хочу повторяться (см. Грищенко, 2000).

Для хранителей вавилонской коллекции семян в блокадном Ленинграде оказалось невозможным к ней притронуться, даже когда они умирали от голода. Почему-то именно известный российский естествоиспытатель А.А. Никольский (1996, 2000) поднял вопрос о благоговении перед жизнью в заповедниках, хотя по вышеупомянутой теории ему вообще должно быть чуждо и не знакомо это чувство. Именно профессор-зоолог А.П. Семенов-Тянь-Шанский писал еще в 1919 г.: *"Создавая и уважая законы всякого разумного общежития, мы не можем не сознавать, что на земной поверхности имеет высшее право свободного существования все на ней от века живущее. К тому же жизнь на Земле переплетена и связана такой сложной сетью внутренних взаимоотношений, что мы не имеем ни нравственного права, ни физической возможности нарушать искони установившееся равновесие жизненных сил"* (Семенов-Тянь-Шанский, 1919). Философов и теологов в то время эта тема попросту не волновала.

Можно спорить и с другими утверждениями В.В. Мантатова и О.В. Доржигушаевой (1996). Мир естествоиспытателя не ограничен *"чувственным опытом"*. Ученым прекрасно известны такие явления, как интуиция, вдохновение, озарение. Другое дело, что в науке, в отличие от религии, полученная таким путем информация должна пройти проверку опытом, вписаться в общую сумму знаний, накопленных человечеством. *"Выход в трансцендентальный мир"* может дать лишь толчок, идею, а вот дальше уже должен работать разум. Нужно быть Ньютоном, чтобы из падения яблока вывести закон всемирного тяготения.

Противопоставление науки *"трансцендентальному миру"* надумано. Средневековые ученые изучали законы природы, чтобы лучше постичь замысел Божий. Например, основные труды одного из *"отцов"* астрономии И. Кеплера назывались *"Космографическая тайна"*, *"Физика небес"*, *"О гармонии мира"*. В достижениях современной науки тоже при желании можно найти

немало точек соприкосновения с религиозными учениями. Как установили физики, вакуум – это не ничто. Он имеет энергию. Причем, энергию вакуума удалось измерить экспериментально. Считается, что флуктуация энергии вакуума и послужила тем толчком, в результате которого произошел Большой Взрыв и родилась наша Вселенная. Образно говоря, образовался пузырек энергии, который лопнул. В Библии говорится: “Вначале было слово”. “Слово” – это перевод греческого понятия “логос”, которое очень многозначно. Если его трактовать как “энергия” – все стыкуется. По другим учениям, мир возник в результате конденсации трансцендентной энергии Творца. Здесь даже термин используется тот же. Можно найти и общие черты с мифологическими представлениями разных народов – о рождении мира при взрыве Мирового Яйца. Как считает И. Пригожин (1997), “Наука стала частью поисков трансцендентального, общих многим видам культурной деятельности: искусству, музыке, литературе”.

Не могу согласиться и с тем, что в результате изучения природы исчезает чувство благоговения перед ней. Оно, наоборот, может как раз появиться. Когда понимаешь, что лес – не просто кладовая дров, грибов и ягод, а сложная и тонкая система, на “настройку” которой ушли многие миллионы лет, быть ты трижды атеистом, невольно начинаешь уважать Творца и его творение. Другое дело, что различные люди могут вкладывать в эти слова разный смысл. К. Лоренц (2001), например, называл изменчивость и отбор Великими Конструкторами эволюции.

В.Е. Борейко трактует благоговение прежде всего как страх, смешанный с уважением (Борейко, 2001; Борейко, Морохин, 2001 и др.). Однако современные толковые словари, например, основной упор делают на уважение, почитание и любовь. Не имел в виду страха и А. Швейцер, когда писал о благоговении перед жизнью. Почему мы должны ее бояться? Уважать и любить – да.

Благоговение вообще не должно бази-

роваться на одном страхе и непонимании. Отсюда один шаг до ненависти. В этом отношении интересно свидетельство А. Савостьянова (2001): “Мне много раз приходилось видеть, как ведут себя представители малоразвитых народов, получивших в свои руки современную технику. Ни один западный человек не будет так бездумно и жестоко уничтожать природу, как это делают наши северные или юго-восточные народы. В современных газетах часто высказывается точка зрения о любви этих людей к дикой природе, но мой личный опыт общения с ними дает противоположный результат. Их культура построена на страхе. Когда страх исчезает, возникает желание наказать того, которого много лет боялись, т. е. дикую природу”. То же самое происходило в 1920-е годы: когда было объявлено, что “Бога нету”, с каким упоением крушили церкви, низвергали колокола и жгли иконы еще вчера послушные и смиренные прихожане! Их благоговение было основано именно на страхе. Когда страх исчез, захотелось “отыграться”. Это у нас, между прочим, от предков. Точно так же обезьяны остервенело терзают мертвого леопарда, а мелкие пичуги в дневном лесу храбро атакуют беспомощную сову. А вот отношение обезьян к живому леопарду можно вполне сравнить с благоговением. Они могут часами замороженно наблюдать за ним, сидя в безопасном месте. В.Р. Дольник писал: “Для животных их хищник – это тот, кто в конце концов окончит их дни. Но пусть лучше он подождет. Он страшен – это понятно. Но отвратителен ли он? Нет! Оказывается, он завораживающе прекрасен. Таким его заставляет видеть программа: увидев хищника издалека, с безопасного расстояния, или сидя в безопасном месте – не будь равнодушен, внимательно наблюдай его, все его движения, все его повадки; готовься к той встрече с ним, которая может стать последней, если ты недостаточно изучил врага” (Дольник, 1981).

Сравнительная этология объясняет причины такого поведения. Как возникает лю-

бовь к тиранам? Причем, искреннее чувство, а не банальное подхалимство или лизоблюдство. Один из вариантов поведения подчиненной особи по отношению к доминанту – добровольно выражаемое умиротворение и подчинение, т. е. любовь. Она может быть невероятно сильной и ослепляющей, что заставляет не обращать внимание на недостатки и преувеличивать достоинства доминанта. Тирания создает атмосферу страха. Поскольку жить в постоянном страхе перед доминантом сложно, подчиненная особь может переключиться на вариант любви. Сразу становится легче и веселее. Чем сильнее любовь, тем меньше страх. Но с падением тирана поведение многих людей резко меняется. Они начинают крушить и поносить все, что связано с его именем. Подавлявшаяся долгие годы агрессия выплескивается наружу (Дольник, 1994).

Так что, коллеги-природоохранники, давайте решать, устраивает ли нас “обезьяний” вариант благоговения перед дикой природой. Опасность его, напомню, в том, что все может закончиться “низвержением кумиров”. Охраняя природу, нужно, как минимум, считаться с ее законами.

Любители при каждой удобной возможности лягнуть науку упорно закрывают глаза на одну до смешного простую вещь – в науке есть разные направления, а среди ученых есть разные люди. Одни проводили опыты на заключенных в концлагерях, другие изучали смертельно опасные болезни, специально заражая ими себя. И ставить между ними знак равенства – это святотатство, подлинное надругательство над человеческой моралью и здравым смыслом. В 1922 г. канадские ученые Ф. Бантинг и Ч. Бест провели первые испытания инсулина на себе. К тому же, Ф. Бантинг продал все свое имущество, чтобы профинансировать исследования (Добролежин, 2002). Надо ли напоминать, что такое инсулин и скольким людям он спасает жизнь? Одни ученые были готовы прислуживаться любой власти и по любому поводу, другие шли на костер за свои идеи. Одни дела-

ли оружие, способное убивать все больше людей, другие спасали пострадавших от этого оружия, рискуя собственной жизнью. Одни ученые губят природу, другие ее защищают. Точно так же есть разные люди среди священников и философов. Недавно появилось сообщение в газетах, что украинская милиция арестовала банду грабителей, в состав которой входил священник. Он заявил следователю, что надеялся впоследствии “отмолить” грехи. Среди католических священников, обязанных соблюдать безбрачие, процветает педофилия и гомосексуализм. В США уровень распространения ВИЧ у них в четыре раза выше, чем в среднем по стране. И если раньше церковь всячески скрывала и замалчивала эти пороки, то после громких обличительных процессов, вспыхнувших за последние годы в разных странах, делать это уже невозможно (Приходько, 2002).

В.Е. Борейко (2002) под научным мировоззрением понимает почему-то только холодный рационализм, чуждый каким-либо духовным ценностям. Но, извините, среди ученых немало романтиков, лириков, поэтов, тонких ценителей высокого искусства. Достаточно вспомнить прекрасные стихи И.И. Пузанова, например. Всемирно известный писатель Льюис Кэрролл был математиком. Леонардо да Винчи – не только непревзойденным художником, но и выдающимся ученым. Омар Хайям – математик и астроном. Известный советский физик академик И. Тамм говорил, что в красивую теорию можно влюбиться как в красивую женщину (Альтшулер, 2002). Математик И.А. Лаппо-Данилевский воспринимал музыку, как и математику, в качестве “реальности идеального порядка”, в которую только и могут воплотиться абсолютная гармония и красота (Сорокина, 2002).

А. Эйнштейн ставил науку и искусство в один ряд: *“Одно из наиболее сильных побуждений, ведущих к искусству и науке, – это желание уйти от будничной жизни с ее мучительной жесткостью и безутешной пустотой, уйти от уз вечно меняющихся собственных прихотей. Эта причи-*

на толкает людей с тонкими душевными струнами от личных переживаний в мир объективного видения и понимания. Эту причину можно сравнить с тоской, неотразимо влекущей горожанина из шумной и мутной окружающей среды к тихим высокогорным ландшафтам, где взгляд далеко проникает сквозь неподвижный чистый воздух и наслаждается спокойными очертаниями, которые кажутся предназначенными для вечности” (цит. по: Пригожин, Стенгерс, 2001).

Есть версия, что Фрэнсис Бэкон, один из величайших умов своего времени, был автором (или одним из авторов) произведений, пущенных в свет под именем Шекспира. Кстати, именно он является автором лозунга “Знание – сила”, который так не нравится В.Е. Борейко.

Я вообще не понимаю, почему мы должны считать этот девиз “идейно чуждым”. Во-первых, это всего лишь констатация факта, знание действительно является силой. Во-вторых, и знание, и сила сами по себе нейтральны. Все дело в том, на что их направить. При помощи примерно одних и тех же усилий можно набить прохожему морду и отнять у него кошелек, а можно защитить женщину, на которую напал хулиган. Если сила знания будет использоваться для защиты дикой заповедной природы, кому от этого хуже? Просто “с позиции силы” (знания) нужно говорить не с природой, покоряя ее (при чем тут вообще заповедное дело, я не понимаю), а с теми, кто ее губит. Ну докажите чиновникам, что карпатские пралесы нельзя рубить потому, что они священны. А вот два серьезных наводнения в Закарпатье хорошо все “объяснили”, если и не всем, то очень многим.

Флорентийский зодчий и гуманист Леон Баттиста Альберт утверждал: “Люди, если захотят, могут свершить все”. Фрэнсис Бэкон уточнил, что людям посильно сделать все, если они следуют законам природы (Пригожин, 1997). Для этого, разумеется, нужно их знать. Поэтому-то знание и является силой. Однако, из высказывания Ф. Бэкона вовсе не следует неизбежность наси-

лия над природой. Знание ее законов можно использовать как для преобразования, так и для охраны природы. Ведь без знаний невозможно развитие новых природосберегающих технологий. А без них все призывы сохранить дикую природу останутся гласом вопиющего в пустыне.

Всевозможные горе-пророки больше всего не любят науку за то, что она мешает жить в придуманном ими мире, возвращая людей в мир реальности. Наука во всем доискивается истины, т. е. правды, противоположность чему, как известно, – вранье. Или будем исповедовать пресловутый принцип “Ложь во имя спасения (природы, в данном случае) – святая ложь”?

По поводу вещей, которые “человеку просто не нужно знать”, и обесценивания ценностей я уже писал (Грищенко, 2001б, 2002б). Кое-что добавил. Подобная аргументация напоминает мне ответ Папы Григория VII чешскому королю, обратившемуся в XI в. с просьбой разрешить богослужение на славянском языке: “Бог всемогущий нашел угодным, чтобы Святое писание в некоторых своих частях осталось тайной, ибо иначе, если бы было полностью понятно для всех, слишком низко бы его ценили и утратили к нему уважение” (цит. по: Гумилев, 2002). В результате при распространении новой веры убеждение часто приходилось заменять принуждением. Библия давным-давно переведена на множество языков, ценности и уважения от этого не убавилось. А вот проблем со всевозможными ересями католическая церковь имела намного больше, чем православная. И одна из них вышла победительницей, уведя за собой значительную часть прихожан. В протестантизме людей привлекали, в том числе, и понятные слова молитв и проповедей. Нам не хватает своих ересей и расколов в охране природы?

Понятность богослужения, кстати, была одним из важных аргументов при выборе веры восточными и южными славянами (Гумилев, 2002). Точно так же идея охраны природы должна быть понятной и приемлемой широкому кругу людей, а не узкой

касте “посвященных”. А талмудические рассуждения о Совершенно Ином, иерофании и т. п. могут скорее оттолкнуть потенциальных сторонников, чем привлечь их.

В.Е. Борейко (2002) пишет, что наука, как объективное знание, *“легко становится средством власти и могущества”*. Справедливо. Однако, это лишь половина правды. Пойдем дальше. А что *не становится* таким средством? Может быть, религия, которая предлагается в качестве альтернативы? Она никогда не становилась *“средством власти и могущества”*? Да простят меня верующие, но христианство во все века было надежной опорой властей всех мастей и покрывало их неблагие дела. Если и ссорились иерархи церкви с князьями и королями, то в основном в борьбе за все ту же власть. Что такое крестовые походы, например? Это были обычные захватнические войны, высокие идеи служили лишь прикрытием. Вера одних не стала средством для получения власти и могущества других? А в Варфоломеевскую ночь вера не стала средством для расправы над политическими противниками? Примерами можно заполнить весь журнал. Вообще, история религии блестяще доказала первичность материального мира перед идеальным. Под прикрытием идейных разногласий шла непрерывная борьба за вполне материальные и осязаемые ценности – власть, земли, богатство и т. п. С одной стороны, наука, религия и другие социальные институты верой и правдой служили сильным мира сего, обеспечивая их власть и могущество. С другой стороны, как среди священников, так и среди ученых, находились Личности с большой буквы, выступавшие против порочной системы, нередко расплачиваясь за это своей головой. И дело вовсе не в *“объективности”* или *“субъективности”* знания.

А этические нормы не подгонялись под потребности властей преобладающих? Сколько раз, например, попиралась тайна исповеди для получения необходимой информации? Причем, это отнюдь не дела *“мрачного прошлого”*. Во многих странах и сейчас

спецслужбам законодательно разрешено вербовать священников в качестве осведомителей. Заповедь *“не убий”* проста и конкретна, и что, она хоть кому-нибудь помешала развязать войну? Находились тысячи объективных и субъективных причин, почему это необходимо. Человек научился прекрасно манипулировать верой, приспособил ее к своим целям (Грищенко, 2000).

Этому, кстати, есть вполне естественные, биологические причины. Основой многих наших моральных норм являются инстинктивные запреты. Однако, *“если бы какой-то вид имел очень сильную мораль и неукоснительно соблюдал все заповеди, он был бы плохо приспособлен к среде, которая отнюдь не так идеальна, чтобы выполнялись моральные запреты. Поэтому животные имеют обходные пути: есть условия, когда запрет можно и нарушить (инстинкт как бы говорит: “нельзя, но если очень надо, то можно”)*. Так что наряду с запретами животное знает и как украсть чужое, и как отнять, и как бить слабого, и даже как убить” (Дольник, 1993). В поисках и оправдании таких *“обходных путей”* человек преуспел больше любого другого живого существа, на то он и *sapiens*.

Да, используя знания и умения, полученные в результате исследования природы, человек создавал оружие для обеспечения и усиления *“власти и могущества”*, от копья и меча до водородной бомбы. Однако оружие само по себе не убивает, его приводят в действие люди. И вот здесь мы подходим к весьма занятой коллизии: как человек может убивать, оставаясь при этом в ладах со своей совестью? По чьему *“ведомству”* очистка совести?

Доблестные американские летчики вряд ли хвастаются перед своими женами, детьми, друзьями и подругами числом убитых мирных жителей – в Японии, Вьетнаме, Ираке, Югославии, Афганистане... Они уверены, что борются со злом, защищают демократические ценности. Можно ли победить зло, приумножая его, – интересный вопрос, но это уже тема для отдельного раз-

говора. Сейчас остановимся на другом. Армейские священники (как и комиссары или замполиты) ни в одной из армий мира никогда не убеждали своих подопечных в том, что нельзя убивать людей. Задача их другая – поднимать боевой дух войска, т. е. способствовать более эффективному убийству других людей. Во время молебнов перед битвами или походами не только войны, но и священники, просили Всевышнего о победе, которая достигается путем уничтожения своих противников, а не о сохранении жизни людей (не считая собственных). Религиозные деятели освящали не только храмы и часовни для молитв, но и укрепления, оружие, боевую технику. Да и если церковь утверждает, что “всякая власть – от Бога”, она автоматически покрывает и грехи этой власти. Крест, как символ христианского милосердия, вполне к месту на больницах, санитарных машинах, повязках медсестер, в эмблемах благотворительных организаций и т. п., но что он (а также имена святых) делает на военных орденах, войсковых знаменах, боевой технике? Танки и самолеты с крестами во время Второй мировой войны несли смерть миллионам людей. Более того, на пряхках ремней гитлеровских солдат красовалось: “С нами Бог”. Церковь когда-нибудь возражала против такого кощунственного использования христианской символики?

Основу армии Оливера Кромвеля (которой, кстати, не было равных в свое время) составляли ревностные пуритане. В состав подразделений входили и “комиссары” – священники, шедшие в бой с крестом и библией.

Таким образом, религия также несет свою долю ответственности за гибель людей в войнах, наряду с наукой и политикой. Политики (или шире – власть имущие) организовывали эту гибель, военные убивали, ученые снабжали их оружием и средствами защиты, делая убийство все более эффективным, а священники (а также журналисты, философы и прочие “идеологические работники”) оправдывали убийство. Причем, не так уж редко религиозные ли-

деры сами выступали в качестве “политиков”, посылая одних людей убивать других.

В отличие от своих оппонентов я не хочу делать неоправданных глобальных обобщений. Разумеется, среди религиозных деятелей (журналистов, философов) было немало и таких, которые выступали против любых войн и насилия. Но были они и среди ученых. И там, и там хватало своих праведников и грешников. Тем более что можно вспоминать оружие массового поражения, а можно и современное высокоточное оружие, позволяющее снизить потери среди мирного населения. Все это я говорю к тому, что противопоставление религии науке в плане нравственности лишено достаточных оснований. Ответственность за свои деяния несет человек как таковой, целиком, а не одна лишь материальная или духовная его ипостась.

3. Фрейд (1990) вообще писал, что “*безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность*”. На этом стоит остановиться подробнее. Прежде всего, хочу подчеркнуть: я не собираюсь нападать на религию в целом или какое-либо из ее направлений и тем более проповедовать атеизм. Я хочу лишь предостеречь коллег-природоохранников от чрезмерных иллюзий. Многие из них считают, что если поменяются полюса в общественном сознании, сразу все станет на свои места, наступит мир и благоденствие, а охрана природы взлетит на небывалый уровень. Увы, снимите пелену с очей. Более десяти лет назад развалилась система государственного атеизма, религия возрождается, политики с ней всячески заигрывают. И что, за это время улучшился нравственный климат в обществе или повысилась духовность? И. Дзюба (2001) предупреждает, что перекладывать на Церковь “*все общественные надежды, все государственные проблемы, все болячки человечества, пожалуй, некорректное и бесплодное дело*”.

Если о том, что будет, мы можем только догадываться и спорить, то о том, что было, хоть немного, да знаем. Давайте заглянем

в нашу историю: как изменилась нравственность после крещения Киевской Руси. Причем, интересно сравнить наших предков с “дикарями” – язычниками, жившими по соседству. Весьма обильный материал для этого дают книги по истории (Греков, 1953; Гумилев, 2002).

Как жили в те времена простые люди, мы знаем мало, но жизнь правящей верхушки, прежде всего князей, описана достаточно. Кроме того, “верхи” восприняли новую веру гораздо быстрее, чем “низы”. Ведь от этого напрямую зависела возможность получить и удержать власть. Как это происходит, можно увидеть на наших современниках. Бывшие партийные секретари, совсем недавно насаждавшие атеизм, дружно рванули в церкви.

Киевский князь Святослав, как известно, был убит весной 972 г. печенегами, внезапно напавшими на отдыхавшую русскую дружину, которая возвращалась по Днепру после неудачной войны с Византией. По наиболее распространенной версии, тех подкупили византийцы, чтобы избавиться от опасного противника. Л.Н. Гумилев (2002) считает, что сделала это христианская община Киева, не заинтересованная в возвращении князя-язычника. Кто бы ни был заказчиком этого убийства, руководствовался он не нормами христианской морали, а политической целесообразностью. Поступали так христиане несметное количество раз, но в данном случае интересно сопоставить их с “диким варваром”, предупреждавшим своих противников перед походом: “Иду на вы”.

Идем дальше. У князя Владимира было 12 сыновей, почти все они погибли в междоусобицах. Борис и Глеб стали святыми из-за их мученической смерти. Теребовльский князь Василько был предательски ослеплен своими “коллегами” и родственниками. Совершено это было сразу же после “крестоцелования”. На съезде в Любече в 1097 г. князья решили прекратить взаимную вражду, чтобы каждый “держал свою вотчину”. Присягнули, целуя крест, в том, что если кто-нибудь из князей поднимется

на другого, остальные должны встать на зачинщика. Сразу же после съезда владимир-волынский князь Давид Игоревич пригласил Василька в гости, где его схватили и выкололи глаза. Замешан в этом злодеянии и киевский князь Святополк Изяславич. Как считают историки, Святополк и Давид опасались союза опытного и храброго воина Василька с Владимиром Мономахом.

Эту линию братской и сыновней “любви” можно продолжать вплоть до Павла I.

В ходе постоянных княжеских междоусобиц гибло множество ни в чем не повинных людей. И если у дружинников хоть была такая “работа”, то крестьяне и городские жители страдали понапрасну. В 1169 г. сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский захватил Киев и отдал его войску на трехдневный грабеж. Так обычно поступали с чужими, а не своими городами. В 1203 г. Рюрик Ростиславич в союзе с черниговскими Ольговичами и половцами взял Киев. Как писал летописец, они сотворили зло, какого город не видел со времен крещения: сожжены дома, разграблены церкви и монастыри, множество киевлян было убито и захвачено в плен. До появления орд Батыя оставалось еще больше трех десятилетий... В 1208 г. великий князь Всеволод опустошил Рязанскую землю. В 1216 г. в Ростово-Суздальской земле в битве на р. Липице за один день полегло более 9 тыс. русских воинов, русскими же и убитых. Потери мирных жителей никто не считал.

То же самое было в православной Византии. Когда вождь одной из соперничавших группировок Алексей Комнин в конце XI в. взял Константинополь, его воины свирепствовали там не хуже иноземных захватчиков, грабя и убивая.

То же самое творилось в католической Европе, в мусульманском мире, в Китае, в Индии. От перемены религии суть захватнических войн или междоусобиц не изменилась. В Китае в III в. н. э. в результате гражданских войн было уничтожено более 80 % населения. Одной из причин этих кровавых смут были противоречия между сторонниками даосизма и конфуцианства. Чис-

ленность населения сократилась с 50 до 7,5 млн. человек (Гумилев, 2001). Для тех времен это были колоссальные потери, ведь все население земного шара в начале нашей эры оценивается в 200 млн. человек (Дольник, 1992). Буддизм, ставший с VI в. государственной религией (Кулаков, 1997), не сделал китайцев более мирными. Жестокие войны с соседями и междоусобицы продолжались.

В Шри-Ланке уже много лет не прекращается кровавая борьба между двумя этническими группами – сингалами (буддисты) и тамилами (индуисты). Что там говорят буддизм и индуизм о непричинении вреда живым существам? ТОТИ (“Тигры освобождения Тамил-Илама”) принадлежит к наиболее известным террористическим организациям. Принцип “ахимсы” отложен до лучших времен. Не помешал он и появлению ядерного оружия в Индии, как и войнам с Пакистаном.

Адам Бременский в своей “Истории церкви”, написанной около 1070 г., свидетельствует: *“Прибалтийские славянские племена, без сомнения, давно были бы обращены в христианскую веру, если бы не препятствовало тому корыстолюбие саксонцев, душа которых чувствует больше охоты к десятинам, чем к обращению язычников. Они новообращенных христиан в Славонии сперва возмущали корыстолюбием, потом, покорив, довели до бунта жестокостью и теперь, домогаясь только денег, не радят о спасении тех, кто и захотел бы уверовать”* (цит. по: Гумилев, 2002).

Хорошо известно, как закончила дни языческая Римская империя. В последние века своего существования она утонула в междоусобицах, интригах, разврате и настолько одряхлела, что оказалась не в состоянии сопротивляться терзавшим ее варварам. Однако точно так же все закончилось и для христианской Византии: интриги, заговоры, убийства, на императорском троне одно ничтожество сменяло другое. В 1203 г. стены Константинополя от крестоносцев обороняла лишь варяжская дружи-

на и кучка храбрецов, хотя греки могли выставить гораздо больше воинов, чем имели нападавшие. В 1204 г. город был взят повторно, страшно разрушен и разграблен. Крестоносцы при этом потеряли аж одного (!) рыцаря (Гумилев, 2001). Последнюю точку поставили турки в 1453 г.

В 1095 г. половецкие ханы Кытан и Итларь после неудачного похода на Византию с немногочисленной дружиной пришли к Владимиру Мономаху в Переяславль. Половцы еще недавно вышли из “дикой” Сибири, и им было неведомо вероломство и гостеубийство. К тому же с Русью тогда был мир. Но, к сожалению, для “цивилизованных” русичей святость гостеприимства стала уже пустым звуком. Половцы были предательски перебиты, а князья организовали поход на их земли, откуда вернулись с богатой добычей. Вскоре вспыхнула война, и в 1097 г. хан Боняк выжег окрестности Киева и разорил Печерскую лавру.

Монголы еще в XII в. считали нелепым проливать кровь ради приобретения земель, их вокруг было много, или стад овец, которых полагалось зарезать для угощения соплеменников. А вот идти на смертельный риск, чтобы смыть обиду или выручить родственника – это было естественным и обязательным. В армии Китая существовал штат доносчиков, но тюрки, находившиеся на китайской службе, этого не терпели и раскрытых доносчиков убивали (Гумилев, 2002).

Можно вспомнить и то, что сразу же после Миланского эдикта, узаконившего христианскую религию в Римской империи, христиане из гонимых стали гонителями. Уничтожались старые храмы и библиотеки, горожане, писавшие доносы на христиан, стали строчить их на язычников. В Александрии толпой фанатиков была растерзана женщина-философ Ипатия. Начались кровавые распри и интриги между сторонниками различных течений внутри христианства – православия, арианства, монофизитства. Греки-язычники такие проблемы решали на ученых диспутах. Как-то сложно представить себе войну между Аристотелем и Платоном.

При распространении религии и борьбе с конкурентами какие-либо этические нормы отходили на второй план. Цель оправдывала средства (напомню, что это лозунг христианского ордена иезуитов). С. Лем писал: "...священные писания, открывающиеся словами "во имя Бога милостивого и милосердного" (такие, как Коран), способны переделать людей до такой степени, что приверженцы этого доброго Бога в западе прозелитизма доходят до массового человекоубийства" (Лем, 1998).

Средневековые инквизиторы, используя учение Блаженного Августина о предопределении, вообще "изобрели" теорию, согласно которой Бог может превращать зло в добро. Из нее вытекало, что со злом вообще бороться не нужно, что преследования тиранов укрепляют терпение мучеников, благодаря чародейству ведьм совершенствуется вера праведников и т. д. Было очень удобно для оправдания любых злодеяний, прежде всего собственных. Вот что пишет об этом Л.Н. Гумилев: "*Предложенная инквизиторами теория является апологией не только их самих, но и дьявола, с которым они якобы вели борьбу. Во всех злодеяниях истории, по их мнению, повинен только Бог, и хуже того – злодеяния надо приветствовать, ибо из зла получается добро. Эта дьявольская диалектика – по существу обывательское подхалимство, возведенное на уровень метафизики. И подумать только, сколько крови пролилось из-за этого шизофренического бреда!*" (Гумилев, 2001).

В начале XIII в. по инициативе Папы Иннокентия III был организован крестовый поход на еретиков-катаров (альбигойцев) в Лангедок (юг нынешней Франции). Его участникам были заранее отпущены все грехи и обещана богатая добыча. На вопрос крестоносцев: как отличить католика от катара "идейный наставник" похода аббат Арнольд ответил без обиняков: "*Бейте их всех, ибо Господь познает своих*". И они били. В первом же взятом городе – Безье, разграбленном и сожженном, было убито почти 20 тыс. человек, невзирая на пол, воз-

раст, сан... Только в городской церкви было истреблено 7 тыс. укрывшихся там людей (Голяндин, 2002). Напомню, что речь идет не о монголо-татарском или сарацинском нашествии, а о христианах, убивавших людей в христианской же церкви. "*В Провансе, в Кро и в Монпелье – резня, а рыцари – как стая воронья, бесстыднее разбойника-ублюдка*", – писал об этом времени средневековый поэт.

Язычники также были детьми своего времени со всеми вытекающими последствиями – жестокость, кровная месть, постоянные набеги и войны и т. д. Однако одно существенное отличие нельзя не заметить – они поступали так *в соответствии* с этическими нормами своих народов. Родственники убитого, например, были *обязаны* мстить за его смерть. Христиане же, делавшие то же самое, действовали *вопреки* заповедям своей религии. Человеческие пороки никуда не делись, они просто были загнаны вовнутрь и продолжали действовать "исподтишка". Можно объяснять это "кознями дьявола", можно – биологической природой человека, результат, в данном случае, останется тем же. "Дикари" были, по крайней мере, более честными, непосредственными, да и более верными. Именно это вызывает симпатию, например, в американских индейцах и других не испорченных цивилизацией народах. А вот те, кто к ней приобщился, быстро научились искусству лгать и изворачиваться в оправдании своих преступлений. Недаром индейцы говорили, что бледнолицые имеют два языка, т. е. говорят одно, а делают другое. Для них это было чуждо и непонятно.

А вот теперь, как говорил Владимир Ворошилов в передаче "Что? Где? Когда?", "Внимание, вопрос": можно ли считать этическую систему, основанную на религии, принципиально лучше, если люди, ее исповедующие, более нравственными не становятся?

В истории можно найти немало примеров этических систем, основанных не на религиозных нормах. Так, по законам дворянской чести обиду полагалось смывать кро-

вью на дуэли, хотя это противоречило не только религиозным установкам, но часто и законам государства. Причем, моральные принципы были примерно те же и у католиков, и у православных, и у протестантов. И действовали они более успешно, чем любые проповеди. Дворянин мог убивать, грабить, прелюбодействовать – общественное мнение за это порицало, но прощало. А при должном обосновании и оправдании своих действий и порицания не было. А вот отказавшийся от дуэли мог навсегда остаться отверженным. Солдаты дореволюционной русской армии поднимались в атаку со словами “За веру, царя и Отечество!”, а бойцы Красной армии – “За Родину, за Сталина!”. Воевали от этого они не хуже. В связи со всем вышесказанным, я не вижу необходимости непременно увязывать экологическую этику с религией. Это совершенно разные сферы нашей жизни.

Вернемся еще раз к “святому” и “невозможному”. Можно не считать святыней метеорит Каабу, книгу Мормона, языческие священные рощи, но уважая веру других, и к их святыням следует относиться с подобающим уважением. Такая этика основана на общечеловеческих ценностях, а не ценностях одной религии, на разуме, а не на откровении. Во времена всеобщей глобализации нужна и глобальная система ценностей. В нее должны входить те из них, которые значимы для всего человечества, а не группы людей (ценность человеческой жизни, веротерпимость, свобода личности, например). А вот чем питаться, когда поститься, какие дни считать праздничными – это уже личное дело сторонников конкретной религии. Непременной составной частью системы общечеловеческих ценностей должна стать и охрана природы, в частности – сохранение нетронутых ее участков. Когда талибы в Афганистане разрушили статуи Будды, возмутились не одни лишь сторонники буддизма, весь цивилизованный мир назвал это варварством. Точно так же и уничтожение заповедника должно рассматриваться как варварство в мировом масштабе. Их сохранение не должно зави-

сеть от политической и религиозной “погоды” в государстве. Может ли кто-то дать гарантию, что в следующий раз какие-нибудь религиозные фанатики не станут уничтожать священные рощи или заповедники, находящиеся под патронатом “конкурирующей” религии? Священность какой-либо территории может быть не только охранной грамотой, но и приговором (Грищенко, 2001в). Ведь это уже было. Христианские священники вырубали вековые деревья, которым поклонялись язычники. В этом суть отнесения участков природы к объектам мирового природного наследия – государство берет обязательство перед всем миром сохранить их.

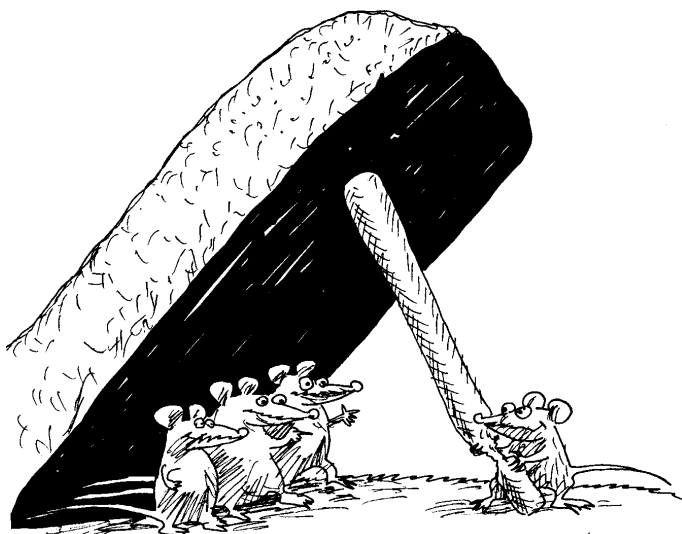
С этим еще тоже предстоит немало потрудиться, об общечеловеческих ценностях много говорят, но далеко не всегда с ними считаются. Тем не менее, согласитесь, что давление мирового общественного мнения и помощь других стран и международных организаций не так уж редко являются последним шансом в решении природоохранных проблем.

Я считаю, что альтернативы науке в охране природы и заповедном деле нет. Охрана природы предполагает действие, а любовь, благоговение, восхищение – это чувства. Они могут быть эффективной мотивацией для охраны природы, значительно ей способствовать, но не могут ее заменить, тем более в наше время. Вы можете нежно любить мать, жену, ребенка. В нормальных условиях этого может быть вполне достаточно, чтобы обеспечить им счастливую жизнь. Но когда человек серьезно болен, одна лишь любовь его не вылечит. Лечение, спасение, сохранение – это действие. А если действовать, повинясь лишь чувству, без знания, ни к чему хорошему это не приведет. Иногда достаточно дать не ту таблетку, чтобы последствия стали роковыми.

Литература

Альтшулер Б.Л. (2002): Скучно без Сахарова. - Природа. 1: 83-88.

- Борейко В.Е. (1999): Основные этические принципы заповедного дела. - Заповідна справа в Україні. 5 (2): 1-3
- Борейко В.Е. (2001): Прорыв в экологическую этику. Киев. 2-е изд. 1-197.
- Борейко В. (2002): Этические и религиозные принципы заповедного дела. - Заповедный вестник. 2: 6-7.
- Борейко В., Морохин Н. (2001): Словарь по гуманитарной экологии. Киев. 1-89.
- Гинзбург В. (2000): Религия и наука. Разум и вера. - Наука и жизнь. 7: 22-29.
- Голяндин А. (2002): Крестовый поход против Европы. - Знание – сила. 6: 89-98.
- Греков Б.Д. (1953): Киевская Русь. М.: Госполитиздат. 1-568.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. ж. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001а): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. ж. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н. (2001б): Экологическая этика и заповедное дело. - Заповідна справа в Україні. 7 (1): 1-8.
- Грищенко В.Н. (2001в): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 113-126.
- Грищенко В. (2002а): О научных исследованиях в заповедниках. - Заповедный вестник. 4: 4-5.
- Грищенко В.Н. (2002б): Познание и любовь к природе - Гуман. экол. ж. 4 (спецвып.): 79-88.
- Гумилев Л.Н. (2001): Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. 1-560.
- Гумилев Л.Н. (2002): Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ. 1-839.
- Дзюба И. (2001): Современное общественное и церковное положение в Украине. - Зеркало недели. 26.05. 20: 3.
- Добролежин Е. (2002): Белок, спасающий от смерти. - Наука и жизнь. 1: 88-90.
- Дольник В.Р. (1981): Такое долгое, еще не понятное детство. - Знание – сила. 5.
- Дольник В.Р. (1992): Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? - Природа. 6: 3-16.
- Дольник В.Р. (1993): Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев. - Природа. № 1-3.
- Дольник В.Р. (1994): Естественная история власти. - Знание – сила. 10-11.
- Кулаков А.Е. (1997): Религии мира. М.: АСТ. 1-352.
- Лем С. (1998): Вера и знание. - Природа. 12: 30-32.
- Лоренц К. (2001): Агрессия (так называемое “зло”). СПб: Амфора. 1-349.
- Мантатов В.В., Доржигушаева О.В. (1996): Экологическая этика: буддизм и современность. Улан-Удэ: ВСГТУ. 1-155.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (2000): Профессионализм и добрая воля – альтернатива убийству. - Гуман. экол. ж. 2 (1): 16-19.
- Пригожин И.Р. (1997): Наука, разум и страсть. - Знание – сила. 9.
- Пригожин И., Стенгерс И. (2001): Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС. 1-312.
- Приходько О. (2002): Католики ждут перемен. - Зеркало недели. 13.04. 14: 16.
- Савостьянов А. (2001): Дикое и культурное – противоположности или взаимодополнения? - Сиб. экол. вестник. 15-16: 48-51.
- Самарцев В.В., Рассветалов Л.А., Куркин М.И. (2002): Задержка света в пути и другие необычные явления в оптике. - Природа. 5: 63-71.
- Семенов-Тянь-Шанский А.П. (1919): Свободная природа, как великий живой музей, требует неотложных мер ограждения. - Природа. 4-6: 199-216.
- Сорокина М.Ю. (2002): “Русский Моцарт”. - Природа. 1: 91-95.
- Фрейд З. (1990): Будущее одной иллюзии. - Сумерки богов. М.: Политиздат. 94-142.

— Давай, догрызай скорее, а то вид закрывает!..

Рис. Э.Д. Шукурова